

Малаховская М. В. Феноменологическое представление о ненаблюдаемой экономике: модель и подходы к измерению явления // ПУФ. 2011. № 4. С. 3–6.

7–12

Беляев Ю. А. Трудовая деятельность в пенсионном возрасте: с чего начать? // ПУФ. 2011. № 4. С. 7–12.

13–29

Земцов А. А. Гражданско-правовые статусы гражданина-домохозяина // ПУФ. 2011. № 4. С. 13–29.

30–39

Осипова Т. Ю. Обзор англоязычных диссертаций по финансам домашних хозяйств, представленных в базе ProQuest // ПУФ. 2011. № 4. С. 30–39.

40–42

Ильина Т. Г. Финансовое посредничество в экономике // ПУФ. 2011. № 4. С. 40–42.

43–56

Ильина Т. Г. , Беспалова О. В. Степень изученности вопроса денежно-кредитной политики Европейского центрального банка // ПУФ. 2011. № 4. С. 43–56.

57–66

Азарова А. И. Проблемы налогообложения и финансовые результаты нефтегазового предприятия // ПУФ. 2011. № 4. С. 57–66.

67–72

Ваганова Е. В. , Сырямкин В. И. , Сырямкин М. В. , Якубовская Т. В. Выявление системы показателей состояния и динамики экономики в рамках доминирующего и формирующегося технологического уклада // ПУФ. 2011. № 4. С. 67–72.

73–77

Ковалерова Л. А. Проблемы формирования и использования средств местных бюджетов (на примере бюджета Брянской области) // ПУФ. 2011. № 4. С. 73–77.

78–80

Шавандина О. А. , Шавандин Б. К. Особенности консолидированной бухгалтерской отчетности // ПУФ. 2011. № 4. С. 78–80.

УДК 330

М. В. Малаховская

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕНАБЛЮДАЕМОЙ ЭКОНОМИКЕ: МОДЕЛЬ И ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ ЯВЛЕНИЯ

Исходя из дефиниционной модели ненаблюдаемой экономики, дано представление о ее участниках, составе, структуре и возможностях измерения. Показана разнородность компонентов, порождающая в процессе функционирования различающиеся последствия для условий воспроизводства в национальном хозяйстве.

Ключевые слова: *ненаблюдаемая экономика.*

Острота вопросов, касающихся ненаблюдаемой экономики в России, связана с тем, что страна существует в условиях предоставленной экономической свободы, с одной стороны, и отсутствии рутинизированного навыка к соблюдению институциональных рамок хозяйственного поведения, с другой. Некоторая двусмысленность термина очевидна: ненаблюдаемая кем? Если все участники хозяйственных взаимодействий в той или иной степени осуществляют свою деятельность в самостоятельно легитимизируемых режимах, то очевидно, что ненаблюдаемая экономика – объективная (а, следовательно, наблюдаемая) составляющая реальной социальной (в том числе экономической) практики. Обычно ненаблюдаемость интерпретируется как неучтенность или неполнота учета феномена официальной статистикой [1].

Теоретическое отражение, понимаемое как моделирование ненаблюдаемой экономики, можно осуществить в соответствии с тремя возможными представлениями о том, что являет собою экономика как способ реализации социальных практик. Экономика может быть определена как процесс самовозобновления участников (непрерывное взаимное приспособление к изменениям в чистой выгоде); как процесс выбора, принятия

решений в терминах издержек и выигрышей и как взаимосвязь входящих (доход) и исходящих (издержки) потоков. В соответствии с этими подходами возможны фиксирование, наблюдение и анализ феноменов ненаблюдаемости в хозяйственной практике.

Ненаблюдаемые экономические процессы могут быть определены в экономических исследованиях через использование таких понятий, как:

1. Скрытая экономика;
2. Теневая экономика;
3. Виртуальная экономика;
4. Экономика ненаблюдаемых решений.

Сообразно с этими четырьмя способами представления о ненаблюдаемости в хозяйственной системе рассмотрим существующую экономическую практику.

Понятие «скрытая экономика» является наиболее общим и включает в себя: неучитываемую (неформальную и неформализуемую) экономическую деятельность (законная по объекту, технологии, участникам, ресурсам деятельность, осуществляющаяся способом натурального хозяйства). Вся деятельность домохозяйств по самообеспечению, сопоставимая по величине с валовым национальным продуктом не имеет товарного выражения и никак не представлена в составе официальной статистики. Следует учесть, что в скрытых хозяйственных процессах используются не только частные ресурсы самих домохозяйств или иных участников хозяйственной деятельности (некорпорированных предприятий (часто не оформлены в установленном порядке, основаны на неформальных отношениях между участниками и производят продукт для собственного потребления или на продажу (индивидуальное строительство, извоз, бытовые услуги, ремонтно-технические работы)), но и общественные ресурсы (например, в случае сбора дикоросов). Часто такая деятельность основана на вторичной занятости. Следует признать, что существенный фактор, поддерживающий неформальный сектор – стратегия выживания и приспособления домохозяйств к изменяющимся условиям экономической жизни. Важно заметить, что «скрытая экономика» далеко не всегда «скрываема экономика». В этой связи имеет значение неформализуемость производимых результатов в валовом и чистом исчислении, функционирующих как общественное или коллективное благо (примером служит социальная и хозяйственная среда, породившая феномен Кремниевой долины, вне которой никакая формализованная структура и инфраструктура не воспроизводят схожего результата [4. С. 173–185]). Второй термин по содержанию идентичен понятию «теневая экономика».

Другое понятие, используемое при описании и анализе ненаблюдаемых хозяйственных процессов – «теневая экономика» (серая экономика, розовая экономика и черная (криминальная) экономика), – довольно размыто по феноменологической основе и отражает те экономические процессы, которые либо являются противозаконными на какой-либо из стадий воспроизводственного процесса, даже являясь легальными по предмету деятельности, либо нелегалы по предмету деятельности или технологии осуществления процесса. В отличие от неформального сектора теневая экономика – экономика скрытых прибылей, основа благосостояния узкого слоя участников хозяйственных взаимодействий.

«Серая экономика» сопряжена с неуказанием или преуменьшением размеров хозяйственной деятельности с целью уклонения от налоговых выплат, социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, выполнению санитарных и других норм. Такие процессы возможны практически во всех отраслях экономики.

«Розовая экономика» представляет собою экономику фальсификатов, порождающих различные последствия для потребителей. В этом ряду фальсификаты фармацевтической отрасли (подмена состава препарата по сравнению с номинированным, например, в Фармакопее), подпольный цеховой промысел, копирующий продукцию известных кутюрье, нелегальное производство. Деятельность участников «розовой экономики» порождает существенные ущербы для общества (ущерб здоровью от применения фальсификатов лекарств или технологий лечения заболеваний; ущерб от ненаказуемой девиантной практики для институциональной устойчивости), создателей продукта (нелегальное копирование формирует поток дохода не у создателя, а у фальсификатора и обуславливает (однако это бывает не всегда) снижение потока дохода у оригинального производителя или подрыв его деловой репутации).

Криминальная экономика источником дохода имеет преступную деятельность (немедицинский оборот наркотиков, нелегальная продажа вооружений и т.л.). В связи с этим война как бизнес существует на поддержании напряженности в регионах, охваченных национальными конфликтами (Кашмир, Колумбия, Афганистан и Пакистан, Северный Кавказ, Сомали, Косово и др.).

Поскольку экономические операции осуществляются на всех стадиях воспроизводства (производства, распределения, обмена, потребления), то и теневые отношения могут возникать на всех этих стадиях.

Структурный подход к исследованию теневой экономики изучает аспект отраслевой локализации теневых отношений. Существуют разработки Управления национальных счетов Росстата, констатирующие долю ненаблюдаемой экономики в промышленности – 8 %, в строительстве – 13 %, на транспорте – 20 %, в сельском хозяйстве – до 90 % добавленной стоимости и 61 % в торговле. Другие исследовательские данные указывают следующее различие скрытой экономики по секторам: топливно-энергетический – от 27 до 37 % всего теневого выпуска, пищевая промышленность – 23–28 %, цветная металлургия – 12–16 %. Две трети теневого выпуска приходится, таким образом, на три сектора.

Институциональный подход в изучении теневой экономики определяет совокупность действий, которые регулируются неформальными правилами: неконтрактные элементы в контрактных отношениях (в частности, «бизнес-схемы» обхода обязательных предписаний (законов)) и маргинальная экономика [3. С. 224–272]. Понятно отсутствие четкости и квазиколичественность всех используемых показателей. Основанием многих практик является институциональный компромисс как соглашение о необязательном исполнении (частичном нарушении) некоторых требований закона. Усугубляется ситуация наличием параллельных институциональных режимов, когда один и тот же объект оформляется и регулируется разными институциональными порядками, которые существуют одновременно. Функционирует «квазирынок» институтов.

Третье в приведенном выше списке понятие, связанное с исследованием ненаблюдаемой хозяйственной активности – «виртуальная экономика» – используется в двух значениях. Во-первых, как эмергентная экономика, существующая в виртуальной реальности многопользовательского мира, обычно представляющая собою практику создания – обмена виртуальных благ в условиях онлайн игр [2]. По существу представляет собою имитационный или симулятивный обучающий процесс для реальной хозяйственной практики. Для существования такой виртуальной экономики требуется существование виртуальной собственности (являющейся основой субъектного статуса участника). Выделяют такие признаки виртуальной собственности, как:

1. Соперничество в получении виртуальных благ,
2. Устойчивость (объекты сохраняют принадлежность и в случае, когда игрок отключен от игры),
3. Наличие влияния одних виртуальных благ на другие,